

Литература

1. Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим. Кишинев, 1993.
2. Бодрийар Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. №10.
3. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.
5. Мальковская И.А. Профиль информационно-коммуникативного общества (обзор зарубежных теорий) // Социологические исследования. 2007. №7.
6. Коротникова Н.В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социологические исследования. 2007. №7.
7. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1986.
8. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986.

Е.С. ЮРКОВА
г. Екатеринбург

КРИЗИС ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

На современном этапе культура демонстрирует массу кризисных процессов, которые на личностном уровне не всегда реально и трезво осознаются человеком как кризисные. В определенном отношении это является итогом субъективного восприятия реальности внутренним Я. В результате собственное проживание какого-то события, сопровождающееся специфичностью внутреннего переживания, хотя и отражает сущностную темпоральность восприятия и ощущения этого события, но может оказаться в противоречии с реальностью. В свою очередь данное обстоятельство порождает состояние внутреннего разлада, которое, с одной стороны, высвечивает противоречия между природой человека (в естественном смысле) и его духовно-мировоззренческими особенностями и, как следствие, демонстрирует проблемы разлада человеческой идентичности. С другой стороны, у человека возникают трудности смысложизненного характера, связанные с кризисом ценностных ориентаций – нравственных, гуманистических, эстетических и др. Это подчас приводит к специфическим реакциям.

В пространстве существования человек придает статус действительности продуктам своего ума, которые отражают релятивный субъективизм уникального восприятия реальности, выступая синтезом чувственно-реального и мыслительно-рассудочного. Через творческий акт преобразуется окружающая человека среда – культурная, в свою очередь, преобразуя и его самого. Происходит творение человеком культурного артефакта. Порождая культурные артефакты, он сам становится артефактом культуры. Чем больше прагматизма вложено в назначение артефакта, тем зависимей человек от результата своего создания. Особую значимость данный процесс приобрел в XX в., когда артефакт является частью культуры массового производства, а его создание предполагает науко-, энерго- и ресурсоемкость. Процессы стандартизации в производстве провоцируют стандартизацию жизни и сознания.

Сегодня идет нарастание двойственного процесса. Во-первых, создается видимость причастности человека к решению актуальных проблем современности. Во-вторых, желание отвлечься от реальности, с ее заботами и проблемами возникает все чаще (это демонстрирует феномен высоких рейтингов юмористических телепередач, у которых довольно низок интеллектуальный и художественный уровень). Социально-политические, экономические и культурные процессы XX в., заключая в себе базовую двойственность – осознание ценности жизни отдельного человека в условиях все более развивающихся глобальных интеграционных, но нивелирующих личность, привели к зарождению особой направленности сомнения в действительной моральной ответственности человека, преобразующего мир. В культурном плане это вылилось в формирование постмодернизма.

Появление постмодернизма приравнивается И.С. Скоропановой к «культурному взрыву» (по терминологии Ю. Лотмана). Но постмодернизм и «эпоха постмодерна» – не одно и то же: это мир как самоорганизующийся хаос, множественность истины, множественность «я». И.С. Скоропанова акцентирует положительную роль постмодернистского хаоса – порождать смысловую множественность, виртуальные миры.

Если в 60-70-е гг. XX в. общество характеризовалось как «телематическое» (аспект значения ТВ, Дж. Мартин), сознание человека этого общества «войлокообразным» или «мозаичным» (А. Моль), а его внутренняя сущность «одномерной» (Г. Маркузе), то в начале XXI в. общество уже «сетевое» (аспект значения Интернета, М. Кастельс),

сознание еще более «мозаичное» (другие варианты – «клиповое», «аббревиатурное»), а сущность вообще не поддается точному определению (есть вариант человека «навигатора-сетевика» в социокультурном пространстве, О.И. Генисаретский). В целом постмодернизм, как культурная модель, имеет слабо выраженные законченные конструктивные черты и скорее напоминает «деконструктивную объемность», стремящуюся к «расползанию» на периферии реальности и распаду на самодостаточные ячейки, где человек такой же элемент, как и любая вещь.

В литературе предпринимались попытки выделить характерные признаки человека постмодерна. Постмодернистов интересует не конкретный человек, а сам феномен человека, отсюда оперирование симулякрами, апсихологизм, деперсонализация, создание «мерцающих» гибридно-цитатных персонажей, использование авторской маски, шизоанализа и т.д. Установилась парадоксальная ситуация: современному человеку, как и во все времена, присущ дух оптимизма, поэтому ему свойственно не обращать внимания на негативное (даже не замечать его). Сегодня типичный человек достаточно образован, много знает и много понимает, имеет свою точку зрения на разные проблемы современности, достаточно креативен в нестандартных ситуациях, но он живет своими личными заботами, его мир ограничен «домом и семьей». К окружающему этот типичный человек в меру эмпативен, эгоистичен и альтруистичен, но в целом ему все равно. Мы это называем *«коллапсом рефлексии»*: человек современного общества не умеет делать себя своей собственной проблемой в контексте мира, он далек от природы, его мало волнует история и культура человечества, впрочем, как и будущее, если это не касается непосредственно его и его семьи.

В постмодернистский период особенность человеческого отношения к жизни проявляется как никогда, несмотря на знание о своей конечности в мире, человеку кажется, что жизнь его будет длиться вечно. Отсюда стремление непрерывно и безответственно удовлетворять свои потребности. Постмодернизм придерживается идеи кризиса гуманизма или, точнее, кризиса традиционной антропологии, так как обстоятельства жизни-ГУЛАГа обнажили в человеке его реальные природные качества, гуманистической доктриной не предусмотренные, показали, что под тонким культурным покровом человек оказывается неуправляемым животным: после Освенцима никакие метанарративы прогресса и морали не работают (Ж.-Ф. Лиотар). Современный этап есть время ожидания

будущего, и данное обстоятельство принципиально проблематично, требует нового проекта человека, без приоритета природного в нем, но в контексте соблюдения принципа «быть», а не «иметь».

Современные средства массовой коммуникации (СМК), виртуозно воздействующие на сознание человека, создают привлекательный симулякр, в согласии с которым только техницированный и технологизированный эталон повседневной жизни сделают ее действительно достойной. Материальная артефактность становится единственным и подлинно реальным существованием. Именно здесь заключается комплекс проблем, составляющих суть культурного кризиса человека.

Процесс творчества, который предполагает фантазию, динамику сознания в синтезе с подсознанием и интуитивным чувством прекрасного, все чаще оборачивается скорее виртуозным овладением возможностями программирования и мастерской работой с определенными компьютерными программами. Приходится признать, что технологическая революция, результаты которой по нарастающей входят в социо- и антропореальность, не сокращают ареал «одномерности», как это предсказывали Д. Белл, Э. Тоффлер или Дж. Мартин, а даже расширяют его, ибо телевидение (ТВ), компьютер и «кабельные сети» с еще большей виртуозностью формируют стандартизированное мышление. Процесс сопровождается медленным, но верным упрощением сознания потребителей «компьютерной культуры». Громадный потенциал программистов – компьютерной элиты – тратится на разработку экшн-игр. Культурно-духовные последствия выливаются в формирование стойких стереотипов. Например, погони за жертвами, смерть с кровавыми подробностями в игре (типа «Postal», «Bloodrain», «Counter-Strike», «Fallout», «Gothic» и др.). В несформировавшемся сознании подростка игровое действие ассоциируется с увлекательным путешествием, ловкостью и меткостью. Но через несколько лет повзрослев, молодой человек, оказавшись в гуще очередного локального конфликта, сидя, например, за штурвалом реального бомбардировщика, видит перед собой нечто, подобное привычному с детства монитору, и живые мишени у него тождественны объектам погони в игре. Во всяком случае, бомбардировка Югославии в 1999 г. союзниками по НАТО, высветила данную проблему.

Глядя на проблему шире и глубже, следует заметить, что специфика технологического моделирования нивелирует то, что характеризуется как «национальная культура», при этом предшествующие культурные достижения используются в дизайнерском процессе, сопровождаясь выхолащиванием истинно национального.

Данный процесс нельзя назвать искусственным: он органично следует из практики использования компьютерных технологий. Возникает вопрос: не уничтожит ли глобальный процесс компьютеризации национальные культуры? Не сформируется ли в итоге культурное пространство единой по качественным показателям культуры, в которой специфические уникальные признаки национального характера просто отомрут как ненужные, поскольку то состояние культуры, которое упрочится, будет выполнять одну из главных ее функций – порождать новые формы и способы удовлетворения интересов и потребностей людей, культурно адаптирующихся к меняющимся условиям бытия, осуществляющих постоянную селекцию и отбор таких форм культуры, которые наиболее эффективны с точки зрения утилитарных функций?

Выделяя главный смысл критического отношения философии к состоянию современного человека, нужно отметить, что со времен А. Шопенгауэра и Ф. Ницше было определено, что именно волевое начало лежит в основе экспансивного и эксцентричного поведения человека. На определенном этапе происходит рационализация социальных инстинктов, деформируется нравственность. Человек трансформирует волевое начало в самодостаточную силу (по Ф. Ницше – «воля к власти»), направленную против себе подобных, затем распространяет ее на природу, и в итоге на себя.

В то же время указанный процесс трансформации – это процесс аксиологизирующий. В ходе изменений формируется определенный ценностный комплекс, ориентация на который сопровождает человека всю жизнь. Религия, мораль, искусство и другие феномены культуры, составляют его культурное пространство. В итоге синтез природных начал человека, его самосознание и общекультурный норматив являются динамичным антропосубстратом, на базе которого зарождается и функционирует ценностное пространство субъекта. В современный период происходит непрерывное смешение смыслов сущностных характеристик культурных явлений. Ценностные ориентации инверсируют в таких акцентах, что приобретают характер псевдоценностей и антиценностей. Проблема не столько в наличии ценностных установок, оппозиционных гуманистической традиции, сколько в масштабах проявления данного эффекта. В человеке воля и духовность, посредством культуры, рождают противоречие между духовным и душевным, что создает экзистенциальное отчуждение и ведет к внутреннему кризису, реализуясь в антикультуре и антиценностях.

Философы последние два столетия часто анализировали человека через специфические редукционные признаки, отражающие его сущностное предназначение или онтологическое состояние. Например, «дионисийский» тип, «кентаврический» человек, *homo animal symbolicum* или *homo ludens* и др. На стыке философии, психологии, антропологии и культурологии обычным является моделирование характерного образа, отражающего определенные аспекты человеческой сущности. Например, «модельная личность» В.И. Карасик как совокупность стереотипов поведения, или «невротическая личность» К. Хорни, как структура мотивационных и защитных механизмов и др. Анализ явлений и процессов, связанных с аспектными проявлениями кризисного характера, позволяет сказать, что современный уровень духовности вселяет опасения в связи с аксио-антропологическим кризисом. В психологии и биологии встречается термин, обозначающий совокупность внутренних и внешних признаков развивающейся патологии человека – *homo prae-crisimos* («предкризисный человек»). В данной статье предлагается этим термином обозначить комплекс кризисных признаков духовно-нравственного характера в культурно-антропологическом аспекте.

В истории не раз были периоды, которые сопровождались кризисными процессами. Человек такого периода характеризуется как *homo prae-crisimos*. В аксио-антропологическом аспекте указанный синдром выявляет ситуацию, которая метко обозначена Ф. Ницше как «царство нищих духом». Признаки синдрома *homo prae-crisimos* впервые в истории западной цивилизации наиболее четко прослеживаются в период Римской империи, когда господствовал принцип «хлеба и зрелищ». Увлеченность гладиаторскими боями, многосуточные оргии и кровавые расправы над первыми христианами наводят на мысль об извращенных пристрастиях римлян, а достижения культуры, права, искусства как-то уходят на второй план.

Сегодня можно встретить ряд характеристик, которые, так или иначе, отражают различные стороны синдрома *homo prae-crisimos*. Он проявляется в таких процессах и явлениях, как контркультура, идейный и религиозный конформизм, квиетизм, различные формы и способы эскапизма, «всеядность» информации в границах «реального времени», «феномен машины желаний», «агрессивная визуальная среда» и др. В совокупности указанные процессы и явления воздействия визуально-вербально-аудиосреды детерминируют тип развития современной культуры, который можно обозначить как «вирусный».

Понятие «вирусный тип развития» впервые употребил Ж. Бодрийяр, который рассматривает современное развитие через призму «тотальной дисперсии», подразумевая под ней «распространение системы цепей, циклов

коммуникаций», которые затем обнаруживаются в «неоиндивидуализме». Индивидуализм человека претерпевает изменения («мутацию» по Ж. Бодрийяру) в духе «мирового порядка профессионалов», для него либеральные ценности не просто определяют жизнь и поведение, а тотально довлеют над сознанием. При этом, «вирусность» идет как динамичный глобальный процесс, следовательно, происходит расширение и углубление ломки культурных национальных традиций и ценностей.

«Вирусность» многоаспектна. На уровне психики ее современные проявления являются специфическими формами отражения действительности (например, феномены «сексуальной революции» и «агрессивной визуальности», явления, представленного в концепции «расширенного влияния»). «Сексуальная революция» есть реакция молодежи в контексте мировой политики «холодной войны». Нарастание напряженности в ожидании термоядерной войны обернулось стремлением молодых людей «спешить жить». Хотя широкому распространению феномена «сексуальной революции» способствовали и другие факторы. Энергетика агрессии частью молодежи была направлена на реализацию «принципа удовольствия», попутно обрастая полувосточной-полуевропейской идеологией хиппи. Но в то же время, последствия «сексуальной революции» имели и деструктивный характер, так как она привела к крушению традиционных моральных запретов в сфере межличностных половых отношений, а в итоге и семейных ценностей.

Феномен «агрессивной визуальности» порождает реакцию организма человека на уровне психики в результате воздействия зрительного геометрического однообразия среды его обитания. В основном агрессивная визуальная среда сформирована в пределах мегаполисов или в местах массовой застройки однообразными зданиями или подавляющими психику «высотками». Ритмичная геометрия блочных, кирпичных и плиточных пейзажей, серо-коричневая гамма строений способствуют формированию на бессознательном уровне чувства тревоги, подавленности, усталости и раздражения, т.е. в эмоционально-психологическом плане – это чувства, способствующие, сопровождающие агрессию. Замечено, что в больших городах в спальных районах наблюдается рост криминогенности. Это естественно – агрессия требует выхода. Сюда добавляются социально-культурные проблемы, примитивизм многих артефактов массовой культуры, потребительская идеология, и в результате, становится яснее причинность роста преступности даже в благополучных, с точки зрения качественного состава обитателей, районах. Встречается термин, обозначающий человека с позиции стереотипов и особенностей его поведения в условиях агрессивной визуальной среды –

«человек блочной цивилизации». Угрюмость, усталость, раздражительность и агрессивность – это характеристики данного субъектного типа.

Культурологи считают вполне естественным, что в ареале проживания человека «блочной цивилизации» постоянно зарождаются и трансформируются разнообразные формы молодежной субкультуры и даже контркультуры. Например, явление граффити – движение «вольных художников», рисующих баллончиками-распылителями красок на панелях серых многоэтажек. Здесь тоже прослеживается двойственность. С одной стороны, граффити, являясь художественным посланием молодежи, хотя и содержит многие внешние признаки молодежной субкультуры, по сути, является сублимацией через перевод энергии агрессии в приемлемую, но асоциальную форму. С другой стороны, надписи и рисунки бывают нецензурны, подчас примитивны, выглядят странно и ассиметрично на общем фоне среды и в целом не всем людям понятны. В итоге задачу сглаживания визуальной агрессии граффити выполняет. Но как явление культуры демонстрирует все то же духовное убожество и потребительский стандарт, насаждаемый СМК, хотя внешне граффити выглядит как протест против серости и унылости «блочной» среды обитания.

Молодежная среда в целом специфически реагирует на агрессивность или неуютность внешней среды. Упомянутый пример граффити является одной из форм проявления молодежной субкультуры. Посредством удовлетворяющих молодежь субкультурных форм, молодые люди самовыражаются и самореализуются. С.И. Левикова с позиций поиска молодежью смысла жизни в современном обществе считает, что данный феномен – это стихийные попытки «быть» в обществе «иметь». Под субкультурными формами подразумеваются спонтанно созданные движения, направления музыкального, игрового, спортивного, компьютерного и т.д. характера. В результате «возникает параллельный мир, который компенсирует пустоты и нестыкуемость стандартных социальных структур, но уже по своим правилам, согласно собственным ценностям»: «ролевиков», «готов», «рокеров», «байкеров» и пр. Рассматривая субкультуру через термины данной статьи, нельзя не уточнить, что молодежная субкультура содержательно носит квинтистский и эскапистский характер. Особняком стоит контркультура, как субкультура, переходящая в криминальную форму, в которой «атмосфера игры отодвинута на второй план». Здесь имеется образ врага в контексте повседневной неблагоприятной обстановки – экономической, политической, социальной, и тогда превалирует чувство агрессии, а

деятельность приобретает явно деструктивный, наступательный, асоциальный характер.

Концепция «расширенного влияния» предложена американским философом и психологом М. Льюисом, как в значительной степени неосознанный процесс поглощения и сохранения зрителями информации от СМК в виде «молчаливого (не выражаемого словами) знания». Сторонник данной концепции, английский педагог и культуролог Т. Белтон рассматривает ряд проблем связанных с воздействующим влиянием СМК, в первую очередь ТВ и видео, на образное мышление детей. Она замечает, что мнения, исходящие от масс-медиа, незаметно проникают в наши идеи и восприятие эмоционально, эстетически и познавательно, т.е. способами, которые мы не можем ясно сформулировать и осознать. Исследуя воздействие артефактов масс-медиа на фантазию детей, Т. Белтон проанализировала рисунки, стихи, рассказы, созданные детьми контрольной группы. Она пришла к выводу, что не только отвлеченные фантазии, но и факты недовольства детей отношением к себе, агрессии в семье, ссор с друзьями, они изображают определенными устоявшимися образами, полученными из кино- и телефильмов.

Т. Белтон назвала этот феномен «экранном кормлением», так как идеи для своих историй и рисунков, способов выхода из каких-то жизненных ситуаций дети контрольной группы брали в видеообразах, но при этом редко упоминали о том, что используют экранные образы для собственных сочинений. Далее она замечает, что телевизионная ложь глубоко внедряется в сознание детей, если учитывать их способность быстро схватывать неожиданную и яркую информацию в раннем возрасте. Таким образом, в воображаемых детских историях происходит переплетение разных видеогероев, их черт и способов поведения, затем фантазии приобретают черты динамичных комплексов, значимых для последующей жизни ребенка.

Исходя из информации, представленной Т. Белтон, следует, что теле- и видеообразы значительно корректируют психо-культурную экологию. Психо-культурная экология – целостная система, которая охватывает природу того, что человек берет из своей окружающей среды и откладывает в сознании, объединяя и причудливо проявляясь через восприятие. Особенность феномена «расширенного влияния» в том, что он имеет универсальное воздействие, т.е. не привязан к определенному социальному классу, а, следовательно, усредняет и нивелирует потребляющую зрительскую массу согласно стандартам заказчика

видеоизображения. Таким образом, тонкости идеологической политики СМК с детского возраста направляют, организуют и усредняют «человека-зрителя-приемника». Это ставит задачу более продуманной, ответственной государственной политики в сфере СМК, особенно для детей, что лежит в русле проблемы формирования ценностных ориентаций.

Возвращаясь к понятию «вирусного типа развития», следует заметить, что в культурно-антропологическом отношении «вирусность» – это, прежде всего, тот набор стандартов, правил и ценностей, который формируется под воздействием идеологических установок, осуществляемых через СМК, в силу навязчивости и кажущейся простоты в восприятии информации, учитывающей психологию людей, их потребности и стремление получить-испытать удовлетворение. Многие коммуникативные и информационные средства сегодня неотъемлемы от повседневности. Являясь привычным условием существования человека (как способность дышать или есть), масс-медиа формируют структуру желаний, которые в основном прагматичные: СМК зарождают в человеке комплекс потребностей-желаний, доводя его состояние до чувства нетерпения, которое, в свою очередь, включает механизм рационализации поведения – «целеполагания – плана достижения цели – акта реализации». Функционирует механизм «машины желаний» как особый «иррационально-рациональный» механизм.

По Ф. Гваттари, феномен «машины желаний» – это «карта потоков, машинных оттоков, отличительных территорий и нетелесных универсумов», в которой нет «инстинктивной инфраструктуры потоков и территорий», а есть «векторы желаний в синергетическом смысле» [1. С.38]. Автор «машину желаний» рассматривает в макросоциальном смысле: желания – вещи, являющиеся одновременно микрофизическими и макросоциальными, и трансляция через масс-медиа формирует «машины желания» на планетарном уровне – идеологические, лингвистические, технологические, экономические, литературные. На наш взгляд, абстрактность этих машин и обеспечивает специфику воздействия на людей: индивидуальное желание есть одновременно желание коллективное, так как масс-медийное производство субъективности (особенно посредством ТВ) – это, фактически, власть. Она укрепляется в силу того, что непрерывно работает на производство существования. На этом базируется экономика – система массового производства, призванная путем реализации желаемого формировать условия для удовлетворения последующих потребностей-желаний. На этом же основываются политика, культура и социальная сфера.

Показателен пример истории становления журнала «Космополитен». С начала основания издания проявился феминистский характер журнала, как дань времени, и эту политику «Космополитен» проводил через статьи, которые, в первую очередь были направлены на женщин мидлкласса. Идеология «независимой сильной женщины», которая одинаково независима и в бизнесе, и в сексе, и в семейных отношениях характерна для большинства журнальных статей, заметок, психологических, модельных и косметических рекомендаций. Несмотря на нападки «мужских» журналов и сторонников традиционных семейных ценностей, итогом политики «Космополитена» стало признание «некухонной» роли женщины в жизни общества. Данный результат отражен в социологических исследованиях конца 70-х гг. по изучению приоритетов читательниц «Космополитен». Если учесть, что рекомендации уважаемого журнала не просто популярны среди деловых и независимых женщин, но и являются руководством к действию по «созданию» собственного образа, можно понять степень воздействия его материалов на сознание читательниц. Образцы внешности, стандарты поведения при определенных ситуациях, рекомендуемые журналом, являются руководством к действию «бизнес-леди». Но «идеология успеха», пронизывающая материалы журнала, многое отодвигает на второй план, например, ценности материнства и семьи: сегодня успешные деловые женщины не желают обременять себя семейными узами и детьми, т.к. важнее профессиональная карьера и жизненный успех. Пример с журналом «Космополитен» показателен именно с точки зрения демонстрации действия и результативности феномена «машины желаний».

Синтез феноменов «расширенного влияния» и «машины желаний» – это воздействующая на сознание реклама. Реклама – неотъемлемая составляющая современной экономики, средство манипуляции массовым сознанием в сфере потребления. Формируя состояние временного преимущества над конкурентами, производитель с помощью рекламы создает у потенциальных покупателей иллюзию уникального товара. Это приводит сознание потребителя к стойкой зависимости от своих желаний, заставляя его бессознательно приспосабливаться к номенклатуре навязываемого продукта. Реклама – это колоссальный стимулятор человеческого поведения. С точки зрения «машины желаний» она не останавливает человека на достигнутых удовлетворенных потребностях, постоянно формируя новые. Исходя из идеи «расширенного влияния», реклама делает человека убежденным, что желания в отношении чего-либо у него возникают осознанно, как

целесообразная практическая необходимость, без целенаправленного внешнего воздействия.

Исследования В.Ф. Петренко показывают, что эмоциональное напряжение в предкризисных ситуациях сокращает размерность сознания человека, а его реакция на окружающее не адекватна реальному состоянию дел [2]. Относительный достаток и в целом отлаженный процесс удовлетворения желаний притупляет чувство опасности и способность находить неординарный подход к решению возникающих жизненных препятствий. В совокупности когнитивность, мышление и восприятие проблем осуществляется человеком на все более примитивном уровне. Сами проблемы видятся ему элементарными, хотя прогресс технологических возможностей делает задачу преодоления проблем наоборот все более сложной. В результате наступает культурный дисбаланс, который оборачивается нарушением внутренней социальной стабильности. В массовом сознании людей конца XX в., воспитанных на стандартах заложенных СМК, выработаны прочные стереотипы, которые трудно преодолеть, что, в конечном счете, и препятствует нахождению путей выхода из кризиса.

В аксио-антропологическом отношении рассмотренные признаки системы влияния на человека увеличивают его зависимость, что предполагает поиск путей избавления от них. Мы считаем, что есть следующие пути – дипломатический (компромиссный), мимикрический (приспособленческий), максималистский («лобовая атака»), авантюристический (безрассудный), эскапистский (духовный или физический), рефлексивный (нравственный). Каждый путь интересен с позиции попыток преодоления синдрома *homo praecrisimos*, но все эти пути являются конформистскими, так как предполагают избавление от неуютной или нежелательной реальности, отражаемой ощущениями, чувствами и сознанием человека.

Рассмотренные процессы позволяют сформулировать те особенности, которые отличают ценностную картину современного человека. Во-первых, гедонизация ценностных ориентаций в условиях примата витально-материальных ценностей и снижения значения духовных, а также морально-нравственных, эстетических и социальных. Во-вторых, упрочение в сознании человека феномена «смешения ценностных установок», дестабилизирующего личностные ценности в динамике их трансформаций в инверсивной логике «ценности-псевдоценности» или «ценности-антиценности», в целом неприятие классических ценностей, что отражает противоречивость, сиюминутность и конкретность повседневной жизни. В-третьих,

динамика жизненных процессов, непрерывное изменение условий человеческого проживания, состояние непрерывной адаптации человека к ним, которое сопровождается стрессами и нежеланием вникать в событийные сложности, формирует в широких масштабах разнообразные явления эскапизма, пренебрежение семейными традициями и двойственностью в восприятии мира. В-четвертых, специфическое отношение человека к информационно-знаниевым ориентациям, формирующим его когнитивное поле в аспектах безопасности, жизнеобеспечения и личной успешности.

В то же время, учитывая непрерывность возрастания объема информации, ее значение для жизни современного человека, нужно отметить, что это, в свою очередь не только формирует ценность знания, но и повышает для человека значение образования. Указанные особенности ценностного состояния человека в контексте такого требования времени, как ориентация на самоактуализацию личного потенциала. Выходы из сложившейся кризисной ситуации нужно искать в сфере культуры, в направлении человеческой духовности, и определяющую роль здесь должна играть сфера воспитания и образования. Именно здесь есть внутренние резервы для преодоления «разрыва» человека со своим Я, своей родовой сущностью, тенденциями массовой глобальной обезличенности.

Литература

1. Машины желания и просто машины: Беседа с Феликсом Гваттари // Рыклин М. Деконструкция и деструкция: Беседы с философами. М., 2002.
2. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988; Петренко В.Ф. Телевидение и психология // Телевидение: вчера, сегодня, завтра. Вып.6. М., 1986.

С.З. ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург

А.В. Холзаков

г. Асбест

НРАВСТВЕННОСТЬ – ПЕРВООСНОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мы попытаемся обосновать тезис о первичности нравственности не только в антропогенезе, но и в современных условиях. Более того, пока нравственные императивы будут верховенствовать и в реальной политике, и в межличностном общении, до тех пор род человеческий будет развиваться по вектору восхождения, а не нисхождения.